

³⁶ Это часть перевода, которая должна располагаться выше, после двуступия 4: «Цветы пламенеюще алы на склонах зеленых, / И Цзянь голубой отразил белоснежную птицу».

³⁷ Тема луны в китайской поэзии довольно обширна и богата (около трех тысяч лет лирической традиции), говорить о ней в рамках короткого комментария затруднительно. Обозначим несколько идей, которые просматриваются в подборке переложений Н. Колпаковой, дающей определенный срез танской поэзии. Луна и ночь связаны — они противоположны солнцу и дню. Днем человек работает, является частью общества, ночью отдыхает, принадлежит себе. День — время суеты, ночь — время, когда человек предоставлен сам себе, своим мыслям. На солнце нельзя смотреть прямо, оно очень яркое, видеть возможно только солнечный свет, а луну можно созерцать, любоваться ею, она динамична, способна менять форму. Ночь — время дум, отдыха, когда никто посторонний не вмешивается, а рядом могут быть только друзья-единомышленники. Ночь — время уединения, луна — спутница человека в это время. Спокойствие, медитативность в ночное время и при свете луны легче достижимы. В поэзии образ луны сочетается с природными объектами: луна — на реке, в горах и др. Ночь время созерцания красот природы, при свете луны они видятся иначе. Особенно интересна поэтам полная луна и связанные с ней оттенки внутреннего состояния человека: печаль, скорбь, тоска.

³⁸ Стихотворение Мэн Хаожяня (孟浩然, 689–740) *Чунь сяо* 春晓 («Весеннее утро»).

³⁹ Стихотворение поэта эпохи Южная Сун (1127–1279) Лу Ю 陸游 (1125–1210) *Юэ ся* 月下 («При луне»).

⁴⁰ Стихотворение Лю Юйси 劉禹錫 (772–842) *Цю фэн инь* 秋风引 («Осенний ветер»).

⁴¹ Стихотворение Цянь Шэнь 岑參 (715–770) *Си го вэй чжоу цзянь Вэйшуй сы цинь чуань* 西過渭州見渭水思秦川 («Смотрю на воды реки Вэй и думаю о [землях области] Циньчуань»). Циньчуань 秦川 — древнее название равнинной местности к северу от гор Циньлин в долине р. Вэйхэ на территории современных провинций Шэньси и Ганьсу. Она получила свое название потому, что на этих землях в периоды «Весен и Осеней» и «Борющихся царств» (VIII–III вв. до н. э.) располагалось царство Цинь.

⁴² Вэйхэ 渭河 — западный приток Хуанхэ. Важная в китайской истории и культуре река. В ее долине находилось государство Западное Чжоу (1027–771 до н. э.), здесь располагались столицы ряда империй, начиная с Западной Хань (202 г. до н. э. — 8 г. н. э.).

⁴³ Юнчжоу 雍州 — культурно-историческое название области в долине Вэйхэ. Восходит к мифологии и легендарному государству Ся.

⁴⁴ Источник перевода не идентифицирован. Горный дворец (дворец на горе Ли) — дворец Пышности и чистоты, построенный танским императором Тай-цзуном (правление: 627–649) на горе Ли, к югу от Чанъяня.

⁴⁵ Стихотворение Ли Бо *Ду цзо Цзинтиншань* 独坐敬亭山 («Один сижу на горе Цзинтиншань»). Гора Цзинтин 敬亭山 — расположена в провинции Аньхой, к северу от Янцзы. Эта гора славится своей красотой, пещерами и гротами, свое название она получила по изящной беседке (*тин*), которая была возведена на ее склоне.

⁴⁶ Хрестоматийное стихотворение Ли Бо *Цзин е сы* 靜夜思 («Думы тихой ночью»).

DOI: 10.31860/0131-6095-2025-3-220-225

© К. С. Корконосенко

РУССКИЕ ПЕРСОНАЖИ И РЕАЛИИ У ВИСЕНТЕ БЛАСКО ИБАНЬЕСА

Должен признаться, я прочитал не все сорок романов и сборников рассказов Висенте Бласко Ибаньеса, поэтому эта заметка претендует лишь на частичную полноту. Вряд ли стоит искать русских персонажей в первых романах «валенсианского цикла» — просто потому, что в конце XIX века русские редко появлялись в деревнях под Валенсией (хотя В. Е. Багно и написал статью о внутреннем сходстве повести Л. Н. Толстого «Казачи» и романа Бласко «Мертвые повелевают»¹); русских нет и в историче-

¹ Багно В. Е. «Los muertos mandan»: la rueda ibero-rusa // Vicente Blasco Ibáñez, 1898–1998. La vuelta al siglo de un novelista: actas del Congreso Internacional celebrado en Valencia del 23 al 27 de noviembre de 1998. 2000. Vol. 2. P. 961–966.

ских романах, таких как «Куртизанка Соника» (посвященный осаде Карфагена), «В поисках Великого Хана» (о плавании Колумба), зато у Бласко есть как минимум один роман и две новеллы (повести), в которых русские персонажи занимают ведущие роли и важны именно как русские. В этих произведениях персонажами испанского писателя выступают русские эмигранты на Лазурном берегу, а сам Бласко Ибаньес в конце жизни был испанским эмигрантом, много лет прожил в Ментоне, наблюдал русских до и после революции и в 1928 году умер неподалеку от Ниццы. Таким образом, страной-посредником для встречи Бласко с русскими, как это часто и бывало в истории русско-испанских отношений, послужила Франция.

О замысле романа с русскими персонажами говорил сам писатель в письме к его переводчице на русский язык М. В. Ватсон: «Этот роман — „Жертва“ — должен понравиться в России. Это роман о любви и грусти, все действие которого разворачивается на Лазурном берегу. Но в качестве второстепенных персонажей в нем действует множество русских из старинной аристократии, которые в поисках средств к жизни обрабатывают землю, служат в гостиницах, танцуют в дансингах и т. п. Одним словом — это будет картина русской империалистической эмиграции на Лазурном берегу...».² Письмо в архиве сохранилось не полностью; романа с названием «Жертва» у Бласко нет.

В комментариях к этому письму его публикатор З. И. Плавский сообщал: «Ни один из доступных нам очерков жизни и творчества В. Бласко Ибаньеса не отмечает этого писательского замысла, видимо так и оставшегося нереализованным. Правда, среди опубликованных писателем произведений есть два, в которых действие разворачивается в среде русских эмигрантов, обосновавшихся на Лазурном берегу. Первое из них — новелла „Старик с Английского бульвара“ — вошло в сборник его новелл „Новеллы с Лазурного берега“, опубликованный впервые в 1924 году, то есть до письма писателя. Второе — новелла „Пожирательница“ — вошло в сборник „Новеллы о любви и смерти“³ и, по свидетельству самого Бласко Ибаньеса, было написано в 1926 году. Следует заметить, что обе эти новеллы (в которых русская эмиграция изображена без всякого сочувствия и даже с некоторой иронией) весьма далеки от правдивости в изображении советской действительности, хотя писатель и выражает здесь уверенность в конечной справедливости происходящего в России».⁴

Заранее укажу, что роман с русскими персонажами на Лазурном берегу действительно был написан — правда, не под названием «Жертва» — и был опубликован в 1930 году, уже после смерти писателя. Он назывался «*El fantasma de las alas de oro*» («Ангел с золотыми крыльями»). О нем, в частности, пойдет речь в этой заметке. Но вначале обратимся к предыстории.

Впервые, по моим сведениям, русский персонаж по фамилии Чернов появляется в одном из важнейших романов Бласко Ибаньеса — «Четыре всадника Апокалипсиса» (1916) — достаточно сказать, что этот роман о Первой мировой войне принес испанскому писателю славу в США, а потом и в Великобритании⁵ и вызвал всплеск интереса к более ранним его произведениям.⁶ Описание революционера Чернова, эмигранта в Париже, друга Жореса и Бакунина, дано ближе к концу романа: по-русски, в переводе М. В. Ватсон, — в третьей журнальной книжке «Русской мысли», по которой мы приводим цитаты из этого романа.⁷ Здесь дается развернутый портрет то ли русского,

² Цит. по: Неопубликованные письма Бласко Ибаньеса русским переводчикам / Публ. З. И. Плавского // Вопросы литературы. 1958. № 2. С. 177–183.

³ Сборник «*Novelas de amor y de muerte*» был издан в 1927 году.

⁴ Неопубликованные письма Бласко Ибаньеса русским переводчикам. С. 183.

⁵ См.: *Cobeta Gutiérrez B. La recepción de la obra de Vicente Blasco Ibáñez en Estados Unidos (1900–1928)*. Madrid, 2018. P. 94–106.

⁶ Подробнее см.: Корконосенко К. С. Пики популярности и русская судьба Висенте Бласко Ибаньеса // Литературные репутации (в печати).

⁷ Бласко Ибаньес В. Четыре всадника апокалипсиса: Повесть / Пер. М. Ватсон // Русская мысль. 1917. № 5–6. С. 47–89; № 7–8. С. 115–172; № 9–10. С. 112–170. Было и другое, почти одно-временное издание в переводе Татьяны Герценштейн; см.: Бласко Ибаньес В. Четыре всадника

то ли поляка, но фамилия отмечает версию о его польском происхождении: «Вторая квартирка, состоящая из двух маленьких комнаток, была занята одним лишь лицом. Это был русский или поляк, который почти всегда возвращался домой со связками книг под мышкой. Он проводил долгие часы, сидя у окна, и все что-то писал. Испанцу с первого взгляда показалось в этом человеке как будто что-то таинственное. Поражала и наружность незнакомца: большая, всклокоченная борода, длинные волосы, густые усы и толстый нос... Долгое время Чернов не пускал к себе часто заговаривавшего с ним Архенсолу. Когда, наконец, испанец вошел в комнату, то увидел там везде книги, массу книг. Они были сложены и на полу, и на столе, и в углах комнаты, на стульях и даже на постели. Архенсола, несколько разочарованный, понял, что в жизни Чернова не было ничего таинственного. То, что он писал, сидя у окна, были переводы в социалистические газеты. Изумляло испанца лишь количество языков, которыми владел русский».⁸

В дальнейшем Чернов появляется на страницах «Четырех всадников» лишь однажды, зато произносит долгие монологи на протяжении целой главы: русский говорит как будто сам с собой, при этом выражая авторскую позицию по политическим вопросам, его слово — это опосредованное слово Бласко Ибаньеса: «Цивилизация не заключается единственно только в сильно развитой промышленности, во множестве пароходов, в мощном войске и многочисленных университетах. Это только внешняя материальная цивилизация. Но есть и другая, превосходящая ее, возвышающая душу и не позволяющая человеческому достоинству выносить без протеста беспрерывные унижения».⁹

Чернов ругает немцев за верность кайзеру и догматизм, поддерживает республиканцев-французов, хвалит русских за борьбу с деспотизмом. Собеседники-испанцы ничего не отвечают на его страстные речи, лишь изредка задают вопросы, а Хулио Денос дважды повторяет про себя: «Он выпил лишнее».

Фигура Чернова важна еще и потому, что именно он впервые упоминает и подробно описывает четырех всадников Апокалипсиса, которые и дали название роману Бласко Ибаньеса: они, согласно русскому провидцу (и придумавшему его испанскому писателю), пришли на землю с началом мировой войны.¹⁰

Как и было сказано, в 1924 году появился «Старик с Английского бульвара», печальная новелла о встрече в 1921 году в Ницце бывших любовников и прожигателей жизни, ныне обедневших и постаревших. Его зовут Федор Ипатьев (Ipatieff),¹¹ ее — Вера Александровна Велински или Волински (в девичестве Бодкина), причем «Alejandrowa» — это отчество. Федор провел почти всю жизнь в Европе, Вера бежала из Советской России. Увидев подурневшую и внутренне надломленную Веру (после голода и нескольких арестов она продолжает жить в вечном страхе), Ипатьев больше не испытывает к ней былой страсти: ее место занимают жалость и нежность. Любовь двух молодых людей уступает место дружбе пожилых эмигрантов. В финале старик с Английского бульвара меланхолично и разочарованно признается себе: «Любовь — она только для богатых... богатых деньгами или богатых молодостью».¹²

В «Старике с Английского бульвара» не так уж много русских реалий, их можно условно разделить на стереотипные и конкретные — т. е. известные не всем, выходящие за рамки общеевропейского представления о России. Так, в новелле упоминаются петербургские театры «María» и «Miguel» — то есть Мариинский и Михайловский,

апокалипсиса: Роман / Пер. Т. Н. Герценштейн. Пг.: Изд-во «Вестника иностр. лит-ры», 1916 (рец.: Дионео [Шкловский И. В.]. Четыре всадника // Вестник Европы. 1916. Кн. 8. С. 227–251).

⁸ Бласко Ибаньес В. Четыре всадника апокалипсиса: Повесть / Пер. М. Ватсон. № 9–10. С. 116.

⁹ Там же. С. 128–129.

¹⁰ Там же. С. 134–135.

¹¹ В «Призраке с золотыми крыльями» фамилию Ипатьев (в том же написании) носит эпизодический персонаж — шофер, бывший полковник.

¹² *Blasco Ibáñez V. Novelas de la Costa Azul*. Valencia, 1924. P. 138. Пер. мой. — К. К.

рестораны на Островах,¹³ набережные Невы, оратор Керенский, ледяной порт Архангельск, прожекторы кронштадтских фортов, московский рынок Сухаревка, где можно достать еду, присущая славянкам склонность к обильному макияжу — определенно, эти сведения Бласко Ибаньес мог почерпнуть из личного опыта общения с русскими эмигрантами на Лазурном берегу, из разговоров и наблюдений.

А вот стереотипные реалии: степи, Сибирь, русские зимы со льдом и морозами, хлеб, в котором больше соломы, чем муки.¹⁴ Согласно Бласко Ибаньесу, для эмигрантов, бежавших из России, страшнее, чем преследования большевиков, были две постоянные, нестерпимые пытки: голод и холод.¹⁵

Испанский писатель всегда интересовался политикой, поэтому неудивительно, что в «Старике с Английского бульвара» упоминается Охранка («la Okhrana») и «красная инквизиция» Чека («la Tcheka») и даже дается расшифровка этой аббревиатуры.¹⁶ Бласко Ибаньес считает, что голод в России — это следствие политики «красного царя» Ленина, который, получив доступ ко всем средствам пропитания, внедрил в стране «деспотию желудка»: все продукты предназначались для его солдат и сторонников и только излишки попадали остальным, люди в городах питались трижды в неделю по карточкам, которые выдавало правительство.

Многие приметы «русской темы» повторяются и в следующей по времени написания новелле, «Пожирательница» (например, в том же написании упоминаются Охранка и Чека). Главной героиней Бласко Ибаньес сделал живущую на вилле неподалеку от Монте-Карло Ольгу Балабанову, бывшую балерину Императорского театра в Санкт-Петербурге, возлюбленную многих знатных особ, включая и последнего русского царя, и великого князя, которого зовут Кирилл Николаевич. Да и почти все персонажи этой новеллы — русские: великий князь, революционер Борис Сатанов (Абраминович), поэт революции Флореаль, и, наконец, в «Пожирательнице» впервые появляется обедневший еще до революции эмигрант Сергей Брянский по прозвищу Боярин. Этот персонаж из любопытства наблюдает за перипетиями бурной жизни Балабановой, ведет собственное «расследование» и выступает в роли резонера; мнения Брянского можно принять за голос автора. Отметим, что Боярин, ровно так же, как и старик с Английского бульвара, носит «белые бакенбарды, соединенные короткими усами, словно мостом».¹⁷

Сюжет новеллы несколько запутан и ироничен. Балабанова одного за другим «пожирает» своих любовников: мужчины гибнут, а она, несмотря на видимое отсутствие доходов (прима-балерина лишилась всего после революции), всегда остается на плаву. Новелла заканчивается сентенцией Брянского, обличающей Ольгу: «Вот пожирательница! Для таких, как она, не существует ни империй, ни революций! Ей все нипочем. При любых обстоятельствах она только богатеет. Похоже, она даже не ведает, что такое старость! Она пойдет на что угодно, лишь бы выглядеть на десять лет моложе. Да будь у нее внук, она бы и его обольстила, чтобы в третий раз урвать баснословное состояние... Кто знает, а вдруг она лелеет надежду, что Россия вновь станет империей, как в славные времена ее молодости. Все возможно в этом мире... Жаль только, что у будущих царей и великих князей еще молоко кормилиц на губах не обсохло... Их сожрать она попросту не успеет».¹⁸

В новелле немало конкретных реалий, встречаются и русские слова, набранные латиницей и курсивом. Так, помимо Охранки и Чека, дважды появляется русское

¹³ Эта деталь повторяется и в «Ангеле с золотыми крыльями».

¹⁴ В «Пожирательнице» Бласко Ибаньес пишет про «хлеб, где земли было больше, чем муки».

¹⁵ *Blasco Ibáñez V. Novelas de la Costa Azul*. P. 121.

¹⁶ *Ibid.*

¹⁷ *Blasco Ibáñez V. Novelas de amor y de muerte*. Barcelona, 1980. P. 140. Русский перевод является коллективным, он был выполнен целой группой авторов в ходе проведения творческой мастерской в Доме творчества в Переделкине и был опубликован с моим предисловием; см.: *Бласко Ибаньес В. Пожирательница: Новелла* // *Иностранная литература*. 2025. № 2. С. 148–172.

¹⁸ Там же. С. 172.

слово *Nitchevo*.¹⁹ Также дважды употребляется слово *vodka*²⁰ с пояснением — национальный напиток. Дважды транслитерировано и слово *mujiks*.²¹

В одном из споров о судьбах России Ольга Балабанова восклицает: «Достоевский, неуравновешенный человек огромного таланта, — вот истинно русский писатель. Он и никто другой: только он мог нас понять».²²

Действие одной из глав «Пожирательницы» происходит в пореволюционной России, в ней Бласко Ибаньес рассказывает, в частности, об инициативе сообщества новых художников: «В первые годы коммунистического режима эти молодые люди разработали проект по воздвижению на одной из площадей Петрограда исполинской статуи Люцифера, первого мятежника. <...> Но от проекта пришлось отказаться: другая группа товарищей предложила установить памятник Иуде Искаротию».²³

Эта история имела под собой основу: датский дипломат Хеннинг Келлер сообщал, что в 1918 году памятник Иуде действительно был установлен, но не в Петрограде, а в Свияжске.²⁴ Среди других вариантов предлагались фигуры Люцифера и Каина.

С немалой долей достоверности рассказана история священника Гапона (который действительно жил в европейских городах, только не бывал на Лазурном берегу): Сатанов, уже после революции, во многом повторяет его судьбу, об этом прямо говорит Брянский, знавший обоих.

После появления французского перевода «Пожирательницы» анонимный советский обозреватель выступил с короткой рецензией под названием «Снова Развесистая клюква». Основную часть заметки занимает пересказ содержания, затем следует вывод: «Стоило платить большой гонорар за три печатных листа „Развесистой клюквы“ Бласко Ибаньесу — можно было бы найти для этого автора с меньшим именем и вдвое дешевле».²⁵

Фигура Брянского соединяет «Пожирательницу» с романом Бласко о Ницце, опубликованном уже после смерти автора — это «Призрак с золотыми крыльями». Беатрис Кобета-Гутьеррес, автор монографии о рецепции Бласко Ибаньеса в США, полагает, что изначально роман задумывался как киносценарий, но в этом качестве не был принят, поэтому Бласко Ибаньес переделал его в роман.²⁶ Отмечу, что русские играют в «Призраке» важные, но все же второстепенные роли. Главный герой романа — испанец, который разрывается от любви к двум женщинам — загадочной испанке и веселой семнадцатилетней Анхелике Коллонтай, дочери русского генерала, который вынужден по-крестьянски работать на ферме; русские появляются даже не во всех частях «Призрака с золотыми крыльями». В конце романа выбор сделан, и Марсело Уильямс Сереседа остается со своей русской невестой, но внимание автора приковано к страданиям испанки. Таков нехитрый сюжет романа, который писался для кинематографа. Обедневший «Боярин» Брянский, всеобщий друг, который знает всё обо всех, описан примерно так же, как и в «Пожирательнице»; важно, что именно он первым заговаривает о «призраке с золотыми крыльями», который по ночам летает над Монте-Карло; многие русские, несмотря на бедность, продолжают ездить сюда, чтобы играть в казино.

Российских реалий в романе почти нет, зато описаны разные типы эмигрантов: шофер, официант, садовник, танцор-жигало, крестьяне, попрошайки, хозяйка шляпного магазина; по-видимому, на сей раз писателя интересовала не «русская тема» как таковая, а резкий контраст между дореволюционной жизнью русских аристократов и их нынешним положением в изгнании. Подробности жизни русских эмигрантов, по-

¹⁹ *Blasco Ibáñez V. Novelas de amor y de muerte. P. 131, 162.*

²⁰ *Ibid. P. 136, 145.*

²¹ *Ibid. P. 145, 154.*

²² *Бласко Ибаньес В. Пожирательница. С. 156.*

²³ Там же. С. 158.

²⁴ *Кейлер Х. Красный сад. Русская кавалерия // Казань. 2009. № 11. С. 72.*

²⁵ [Б. п.]. *Снова Развесистая клюква // Читатель и писатель. 1927. 1 дек. С. 6.*

²⁶ *Cobeta Gutiérrez B. La recepción de la obra de Vicente Blasco Ibáñez en Estados Unidos (1900–1928). P. 278.*

мимо личного опыта Бласко Ибаньеса, подтверждаются и другими источниками; они, например, изложены в современном исследовании «Русская Ницца».²⁷

Разумеется, «русская тема» не являлась ключевой в творчестве Висенте Бласко Ибаньеса, но на материале двух его романов и двух новелл можно отметить устойчивый интерес к русским эмигрантам, революционерам, к политике до и после революции. Испанский писатель позволяет русским персонажам говорить авторским голосом и даже давать названия его произведениям.²⁸

²⁷ Нечаев С. Ю. Русская Ницца. М., 2010.

²⁸ Как было показано выше, вынесенные на обложку слова «Четыре всадника апокалипсиса», «Пожирательница» и «Призрак с золотыми крыльями» впервые произносят именно русские персонажи.

DOI: 10.31860/0131-6095-2025-3-225-239

© А. А. Кобринский

ВРАЧИ В ОКРУЖЕНИИ ДАНИИЛА ХАРМСА: ИЗ КОММЕНТАРИЕВ К ЕГО ЗАПИСНЫМ КНИЖКАМ*

В настоящее время жанр «Из именного указателя к записным книжкам» обрел вторую жизнь — во многом благодаря появлению комментаторских работ Р. Д. Тименчика, посвященных записным книжкам А. А. Ахматовой.¹ Этот жанр не просто позволяет более широко вписать объект комментария в свою эпоху со всеми деталями и оттенками, но и саму эту эпоху представить гораздо объемнее и насыщеннее. Такой подход дает возможность семантизировать ранее не замеченные намеки, обнаружить скрытые цитаты и аллюзии, а главное — приблизиться к решению важнейшей (конечно, до конца не разрешимой) задаче: учесть весь объем информации, которая была

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01583, <https://rscf.ru/project/24-28-01583>, Петербургский институт иудаики.

¹ Приведем только несколько примеров из десятков имеющихся: Тименчик Р. Д. 1) Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // Venok: Studia slavica Stefano Garzonio sexagenario oblata. In Honor of Stefano Garzonio / Ed. by G. Carpi, L. Fleishman and B. Sulpasso. Stanford, 2012. P. 324–352 (Stanford Slavic Studies. Vol. 40); 2) Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // Wiener Slawistisches Jahrbuch. 2018. Vol. 6. S. 217–235; 3) Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // Slavica Revalensia. 2018. № 5. С. 256–312; 4) Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой: Г. Ягода // Литературный факт. 2020. № 4 (18). С. 355–364; 5) Из Именного указателя к Записным книжкам Ахматовой: к немецкой речи // Там же. 2021. № 3 (21). С. 326–351; 6) Из именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой. Цех поэтов // Летняя школа по русской литературе. 2022. Т. 18. № 2. С. 157–206; 7) Из именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой: Георгий Адамович // Там же. 2023. Т. 19. № 3–4. С. 346–393. Жанр получил признание и развитие — ср., например: Зименков А. П. Проблемы комментирования имен в записной книжке Маяковского № 18 // Новые российские гуманитарные исследования. 2022. Т. 17. Материалы 5-й научно-практич. конф. «Поэтика и текстология записных книжек В. В. Маяковского» (ИМЛИ РАН, 12 апреля 2022 г.) (<https://arxiv.nrgumis.ru/articles/2200/>; дата обращения: 25.04.2025). Некоторые аналогичные публикации были сделаны и нами о записных книжках Хармса: Кобринский А. А. 1) Хармс — кинозритель. Из реального комментария к записным книжкам // Летняя школа по русской литературе. 2019. Т. 15. № 2–3. С. 299–311; 2) Мастер Петр: несколько штрихов к биографическим мифам Даниила Хармса // Русская литература. 2020. № 3. С. 217–231; 3) Маяковский и прочие. Круг контактов и общения Даниила Хармса во второй половине 1920-х годов // Летняя школа по русской литературе. 2020. Т. 16. № 1–2. С. 188–204; 4) Комментируя Хармса // Литературный факт. 2021. № 1 (19). С. 335–353.

Кирилл Сергеевич Корконосенко

старший научный сотрудник Института русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН

Kirill Sergeevich Korkonosenko

Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0009-0001-9714-6860

korkonos@mail.ru

РУССКИЕ ПЕРСОНАЖИ И РЕАЛИИ У ВИСЕНТЕ БЛАСКО ИБАÑЕСА

VICENTE BLASCO IBÁÑEZ: RUSSIAN CHARACTERS AND REFERENCES

«Русская тема» не являлась ключевой в творчестве Висенте Бласко Ибаñеса, однако он вывел русского персонажа, чьи мысли созвучны авторским, в одном из важнейших своих романов «Четыре всадника Апокалипсиса» (1916) и сделал русских эмигрантов главными героями двух новелл — «Старик с Английского бульвара» (1924) и «Пожирательница» (1926); русские эмигранты играют заметную роль и в опубликованном посмертно романе «Ангел с золотыми крыльями» (1930). Испанский писатель, проживший последние годы под Ниццей, имел возможность вживую наблюдать быт русских эмигрантов, беседовать с ними, поэтому черты «клюквы» относятся только к его описаниям революционной России, где Бласко не бывал.

Ключевые слова: Висенте Бласко Ибаñес, «русская тема», русская эмиграция во Франции.

«The Russian theme» was not the key one in the art of Vicente Blasco Ibáñez, yet he did create a Russian character whose mentality reflected that of the author in one of his major novels, *The Four Horses of the Apocalypse* (1916) and featured the Russian emigres as the principal characters of two novellas, *An Old Man from the English Boulevard* (1924) and *The Devouress* (1926); Russian emigres play a major part in his posthumously published novel *An Angel with the Golden Wings* (1930). The Spanish writer who had spent his final years near Nice, could witness the daily routine of the Russian emigres, talk with them, and that's why he only goes astray while describing the Revolutionary Russia he had never visited.

Key words: Vicente Blasco Ibáñez, «Russian theme», Russian emigration to France.

Список литературы

1. Бласко Ибаñес В. Пожирательница: Новелла // Иностранная литература. 2025. № 2.
2. Кейлер Х. Красный сад. Русская кавалерия // Казань. 2009. № 11.
3. Непубликованные письма Бласко Ибаñеса русским переводчикам / Публ. З. И. Плавскина // Вопросы литературы. 1958. № 2.
4. Нечаев С. Ю. Русская Ницца. М., 2010.
5. Bagno V. E. «Los muertos mandan»: la rueda ibero-rusa // Vicente Blasco Ibáñez, 1898–1998. La vuelta al siglo de un novelista: actas del Congreso Internacional celebrado en Valencia del 23 al 27 de noviembre de 1998. 2000. Vol. 2.
6. Blasco Ibáñez V. Novelas de amor y de muerte. Barcelona, 1980.
7. Cobeta Gutiérrez B. La recepción de la obra de Vicente Blasco Ibáñez en Estados Unidos (1900–1928). Madrid, 2018.

References

1. Bagno V. E. «Los muertos mandan»: la rueda ibero-rusa // Vicente Blasco Ibáñez, 1898–1998. La vuelta al siglo de un novelista: actas del Congreso Internacional celebrado en Valencia del 23 al 27 de noviembre de 1998. 2000. Vol. 2.
2. Blasco Ibáñez V. Novelas de amor y de muerte. Barcelona, 1980.
3. Blasko Iban'es V. Pozhiratel'nitsa: Novella // Inostrannaia literatura. 2025. № 2.

4. *Cobeta Gutiérrez B.* La recepción de la obra de Vicente Blasco Ibáñez en Estados Unidos (1900–1928). Madrid, 2018.
5. *Keiler Kh.* Krasnyi sad. Russkaia kavaleriia // *Kazan'*. 2009. № 11.
6. *Nechaev S. Iu.* Russkaia Nitsta. M., 2010.
7. Neopublikovannye pis'ma Blasko Iban'esa russkim perevodchikam / Publ. Z. I. Plavskina // *Voprosy literatury*. 1958. № 2.

Александр Аркадьевич Кобринский

юрист Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН;
ведущий научный сотрудник Петербургского института иудаики

Aleksandr Arkad'evich Kobrinski

Lawyer, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences; Leading Researcher,
St. Petersburg Institute of Jewish Studies

ORCID: 0000-0001-6980-4232

444-44-4@list.ru

ВРАЧИ В ОКРУЖЕНИИ ДАНИИЛА ХАРМСА: ИЗ КОММЕНТАРИЕВ К ЕГО ЗАПИСНЫМ КНИЖКАМ

DOCTORS IN DANIIL KHARMS'S INNER CIRCLE: COMMENTS TO HIS NOTEBOOKS

В статье приводятся и комментируются новые архивные материалы, относящиеся к личностям врачей, входивших в круг общения Хармса. Эти материалы, в частности, позволяют верифицировать расхожие мемуары А. Порет и признать фантастическими те из них, которые касаются изображения М. А. Шапота (доктора Шапо) как человека невежественного и полусумасшедшего. Вводимая впервые в научный обиход информация также опровергает концепции о неприязни Хармса к «официальной медицине», построенные на этих мемуарах, и дает возможность установить литературные модели, на которые ориентируются мемуаристы.

Ключевые слова: Д. Хармс, медицина, врач, мемуары, комментарии, доктор Шапо (М. А. Шапот), А. Порет, И. М. Бичунский, И. Г. Фридланд.

The article cites and explores the new archival data concerning the doctors from Kharms's inner circle. The data help to verify the popular memoirs of A. Poret and disclaim those of them that depict M. A. Chapot (Dr. Chapot) as a semi-insane ignoramus. The data that is introduced to the academic community negates the concept of Kharms's dislike for the «official medicine» prompted by the memoirs, and helps to establish the literary models that the memoirists used as their guidelines.

Key words: D. Kharms, medicine, doctor, memoirs, commentaries, Dr. M. A. Chapot, A. Poret, I. M. Bichunsky, I. G. Fridland.

Список литературы

1. *Александров А.* Стихотворения Даниила Хармса // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб., 1993.
2. *Богомолов Н. А.* Русская литература первой трети XX века. Томск, 1999.
3. *Глоцер В. И.* Марина Дурново. Мой муж Даниил Хармс. М., 2001.
4. *Гузанов А. Н.* Павловский дворец. Из истории музея в 1920-е годы // Памятник архитектуры — от дворца к музею: Сб. статей по материалам научно-практич. конф. ГМЗ «Петергоф». СПб., 2013 (Проблемы сохранения культурного наследия. XXI век. [Вып.] III).
5. Даниил Хармс глазами современников. Воспоминания. Дневники. Письма / Под ред. А. Дмитренко и В. Сажина. СПб., 2019.
6. *Дневник Николая Михайловича Дружинина* // Вопросы литературы. 1997. № 3.